

- изучение мышления // Вестник МГУ. Сер.14: Психология. 1984. № 4. С. 13-21.
9. Смирнов С.Д. Понятие "образа мира" и его значение для психологии познавательных процессов // А.Н. Леонтьев и современная психология. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 149-155.
10. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
11. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учебное пособие. М.: Слово/Slovo, 2000. 624 с.
12. Хайдеггер М. Искусство и пространство // Самосознание европейской культуры XX века. Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М.: ИПЛ, 1991. 366 с.

УДК 81-11

Зубова Н.Ю.

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

ПРОСТРАНСТВО КАК КОНЦЕПТ И КАК КАТЕГОРИЯ

N. Zubova

Moscow State University

SPACE AS A CONCEPT AND A CATEGORY

Аннотация. Категория пространства является одной из центральных в языковой картине мира. Категоризация пространства, под влиянием различных факторов прагматической природы, может происходить разными путями. В результате анализа центрального концепта категории «пространство» в русском языке автор статьи приходит к выводу о том, что в русской языковой картине мира семантика этого концепта первоначально была связана с движением, распространением, широтой, а пространство в этой картине мира выступало как открытое, незамкнутое и бесструктурное. В ходе дальнейшего концептуального наполнения категории она обогатилась значениями пространственной локализации и квантификации.

Ключевые слова: категория, концепт, лингвистическая картина мира, пространство.

Abstract. Space is one of the main categories of the language world picture. Categorization of space is taking place in different ways, influenced by various factors of pragmatic nature. Etymological analysis of the central concept of the category of space leads to a conclusion that in the Russian linguistic picture the semantic aspect of this concept was originally linked with movement, breadth; the space of that world view was open and unstructured. With further development, this category has been enriched by the values of localization and quantification.

Key words: category, concept, the language world picture, space.

Языковая репрезентация пространства базируется на сложно опосредованном отражении в человеческом сознании объективных свойств пространства как одного из важнейших аспектов объективно существующей физической реальности. Категория пространства является существенным и важным фрагментом отражаемой в языке картины мира.

Черты концептуализации пространства в русском языке начинают ярко проступать при этимологическом анализе корневой лексемы. Родственными слову «пространство» в современном русском языке являются такие слова, как «простор», «простира́ть», «стрела», «стрелять», «сторона», «странный» и др. М.Р. Фасмер возводит их к праславянским *(pro-)

sterti, *(pro-)st̥ro, связанным чередованием гласных с *простолр*, *storna, и, далее – с древнеиндийскими *str•n•írti*, *str•n•Ūrti*, *starrati* («сыплет, бросает»), прич. *st-rn-ag̃s*, сущ. *starr-man-* ср. р. («рассеивание»), авестийским *staraiti* («двигать, трясти») [13, 379]. Этимологически родственные слова со значениями движения, распространения (разбрасывания, рассыпания, рассеивания) присутствуют в албанском, латышском, греческом, латинском, древне- и среднеирландском и многих других языках индоевропейской семьи [13, 379]. Слово «простор» М.Р. Фасмер сопоставляет с древнеиндийским *prastarags* («подстилка, подушка; плоскость, равнина») и латышскими *stara* («полоса») и *stars* («солнечный луч») [13, 379].

Во многих современных языках (украинском, белорусском, болгарском, сербохорватском, словенском, чешском, польском, словинском, латышском) имеются слова, родственные русскому слову *стрела*. Их значения: «стрела», «молния», «луч», «метательный снаряд», «порыв ветра», «струя», «игла» [3, 176; 10, 701]. К этой же группе родственных слов относится и славянское слово *стри*, означающее: «воздух», «поветрие», от которого, в частности, происходит имя *Стрибог* языческого бога славян [2, 673]. Как отмечает прот. Г. Дьяченко, «имя Стрибога уцелело в нескольких географических названиях: Стрибога, Стрибоже озеро и др.» [2, 673].

Таким образом, этимология лексемы, выражающей корневой концепт категории «Пространство» в русском языке, указывает на то, что изначально этот концепт связывался не столько с локализованным и квантифицированным пространством, очерченным внешней границей и структурированным посредством внутренних границ, сколько, напротив, с безграничной и неструктурированной ширью, стремительным движением, пронзающим толщу пространства, разъединяющим близкое и сближающим бесконечно удалённое.

В 26 главе Книги Бытия есть рассказ о том, как Исаак, двигаясь по Герарской долине, искал себе место для проживания и пастбы скота. В синодальном переводе это

место звучит так: «...И он двинулся отсюда и выкопал иной колодезь, о котором уже не спорили, и нарек ему имя: **Реховоф**, ибо, сказал он, теперь Господь дал нам **пространное место**, и мы размножимся на земле» (Быт. 26: 22). В английской Библии (*King James Version*) это место звучит так: «And he removed from thence, and digged another well; and for that they strove not: and he called the name of it **Rehoboth**; and he said, For now the Lord **hath made room for us**, and we shall be fruitful in the land». А вот как оно звучит на церковно-славянском языке: «Отшед же оттуду, ископа кладязь другой. И не пряхуся о том, и прозва имя ему **Пространство**, глаголя: яко ныне **распространи** Господь нам и возрасти нас на земли» (Быт. 26: 22).

Интересно сопоставить значения слов с основой *-прост(e/u)p-* в текстах Елизаветинской Библии (параллельные русские тексты приводятся по Синодальному переводу) с их английскими эквивалентами.

Чаще всего встречаются слова с такими значениями, как широта земли (пастбищной), широкие возможности, богатство, простор для развития и обогащения, заселения. Сравним:

– «...се, земля **пространна** пред вами: населитесь и куплю дейте на ней, и притяжите на ней» / «...земля сия пред вами, живите и промышляйте на ней и приобретайте ее во владение» (Быт. 34: 10) и «... and **the land shall be before you**; dwell and trade ye therein, and get you possessions therein»;

– «...и егда приидете, внидете в люди живущия со упованием, а земля **пространна**: яко предаде ю Бог в руки ваша, место на нем же несть скудости во всем еже на земли» / «... когда пойдете вы, придете к народу беспечному, и земля та обширна; Бог предаёт ее в руки ваши; это такое место, где нет ни в чем недостатка, что [получается] от земли» (Суд. 18:10) и «When ye go, ye shall come unto a people secure, and to **a large land**: for God hath given it into your hands; a place where there is no want of any thing that is in the earth» (Judges. 18:10).

Близкие к этому значения: распространение, размножение, расселение, заселение гео-

графического пространства своим потомством, народом, продолжение рода. Сравним:

– «и будет семя твое яко песок земный, и **распространится** на море, и ливу, и север, и на востоки: и благословятся о тебе вся колена земная и о семени твоём» / «и будет потомство твое, как песок земной; и **распространишься** к морю и к востоку, и к северу и к полудню; и благословятся в тебе и в семени твоём все племена земные» (Быт. 28: 14) и *And thy seed shall be as the dust of the earth, and thou shalt **spread** abroad to the west, and to the east, and to the north, and to the south: and in thee and in thy seed shall all the families of the earth be blessed* (Gen. 28: 14).

Еще одна группа значений – значения широты, безбрежности, бесконечности, неизмеримости. Сравним:

– «Сие море великое и **пространное**: тамо гади, ихже несть числа, животная малая с великими» / «Это – море великое и **пространное**: там пресмыкающиеся, которым нет числа, животные малые с большим» (Пс. 103: 25) и «So is this great and **wide** sea, wherein are things creeping innumerable, both small and great beasts» (Ps. 104: 25).

– «От скорби призвах Господа, и услыша мя в **пространство**» / «Из тесноты воззвах я к Господу, - и услышал меня, и на **пространное** место [вывел меня] Господь» (Пс. 117: 5) / «I called upon the LORD in distress: the LORD answered me, and set me in a **large place**» (Ps. 118: 5).

Следующая группа значений – значения простирания: «**простре** розги его до моря, и даже до рек отрасли его» / «она пустила ветви свои до моря и отрасли свои до реки» (Пс. 79: 12). *Why hast thou then **broken down** her hedges, so that all they which pass by the way do pluck her?* (Ps. 80: 12), – а также расстилания, раскидывания чего-то чрезвычайно большого, широкого. Сравним:

– «**прострый** един небо и ходяй по морю, яко по земли» / «Он один **распростирает** небеса и ходит по высотам моря» (Иов. 9: 8) и «Which alone **spreadeth** out the heavens, and treadeth upon the waves of the sea» (Job. 9: 8);

– «одеяйся светом яко ризою, **простираяй**

небо яко кожу» / «Ты одеваешься светом, как ризою, **простираешь** небеса, как шатер» (Пс. 103: 2) и «Who coverest thyself with light as with a garment: who stretchest out the heavens like a curtain» (Ps. 104: 2);

– «**Распростре** облак в покров им, и огонь, еже просветити им нощию» / «Простер облако в покров [им] и огонь, чтобы светить [им] ночью» (Пс. 104: 39) и «He **spread** a cloud for a covering; and fire to give light in the night» (Ps. 105: 39).

Расхождения в способе выражении пространственных смыслов объясняются различиями в концептуальных системах. Как отмечает Р.И. Павилёнис, «ввиду того, что каждая концептуальная система как система интенциональных функций, с одной стороны, предполагает определённую онтологию как множество задаваемых этими функциями объектов, а с другой – имеет индивидуальную историю построения (что относится и к статусу её концептов), возможны определённые несоответствия между индивидуальными концептуальными системами как содержащими различные картины мира... Эти несоответствия отражают разный опыт (в самых разных его аспектах и уровнях – обыденном, научном, физическом, социальном, этическом, эстетическом и др.), который наряду с другими факторами – социальным, культурным, физическим и другими контекстами – определяет разные ориентационные потребности носителей языка» [9, 116].

Понимание вариативности представлений о пространстве, а соответственно, и относительности самой категории пространства, зависимости её содержания от принятой теоретической модели пространства, присутствует в современной науке и философии. Так, в работе В.Н. Топорова [12, 277-285], с одной стороны, представлена авторская модель пространства, близкая к ньютоновской, в которой пространство выступает как гомогенное, непрерывное, бесконечно делимое, существующее независимо от размещённых в нём объектов и материи в целом. С другой стороны, в этой же работе, описывая мифопоэтическую модель

пространства, характерную для архаической ментальности, В.Н. Топоров отмечает такие свойства представленного посредством этой модели пространства, как его неразрывная связь со временем («время сгущается и становится формой пространства..., его новым («четвертым») измерением») [12, 233]; вторичность пространства по отношению к заполняющим его вещам, вне которых оно не существует [12, 234]; его антропоморфность, соотносённость вселенского пространства с частями тела человека [12, 244 - 245].

А.Я. Гуревич, описывая модель пространства, характерную для ментальности средневековой Западной Европы, а также трансформации, претерпеваемые ею с переходом к Возрождению, отмечает смену «градуированного и иерархизированного» космоса «неоплатонического христианства», в своей антропоморфности отражающего «специфически интимное отношение людей к природе, характерное для доиндустриальной цивилизации» [1, 86], новой «моделью мира», в которой «видное место занимает... и по-новому организованное пространство» [1, 86].

Развитие человеческого познания привело людей от наглядно-чувственного восприятия пространства к более абстрактному и умозрительному его представлению. Тем не менее совокупность актуальных представлений о пространстве включает в себя как теоретически оформленные концепции, базирующиеся на научном фундаменте, так и наивные, архаичные представления, сохраняющихся в обыденном сознании.

Об этом свидетельствуют факты сравнительной лингвокультурологии. Известно, что люди, воспитанные в разных национальных культурах, обращаются с пространством по-разному. Так, в Японии названия имеют пересечения улиц, но не сами улицы. Араб на простой вопрос, как пройти в определённое место, даёт такие указания, что европейцу невозможно ими воспользоваться, пока он не постигнет всю арабскую систему пространственных обозначений. Для немца из Пруссии вы «в комнате», если можете говорить и видеть кого-нибудь в комнате, хотя

бы вы и стояли на пороге. Для американца вы «в комнате» только тогда, когда внутри целиком ваше тело, и вы можете оторвать руку от дверного косяка [11, 7].

Даже в научных представлениях о пространстве сосуществуют разные концептуальные системы. «Лейбнизианской» модели заполненного и внутренне структурированного пространства противостоит «ньютоновское» представление о пространстве как вместилище вещей. В современных языках описанные два типа концептуализации представлены скорее в виде тенденций, чем в чистом виде.

В исследованиях, посвящённых языковым картинам мира, как правило, разграничиваются системы понятий, в основе которых лежат, с одной стороны, наивная картина мира, с другой стороны, научная картина мира. Но наряду с этим существует и другая, уже достаточно устойчивая тенденция учитывать значения научных понятий при трактовке таких концептов, как «время», «пространство», «знание», «восприятие» и др. Как справедливо замечает Е.С. Яковлева, «многие научные понятия давно вошли в наш речевой обиход («трёхмерное пространство», «временная ось», «последовательность точек (событий) на временной оси» и др.). Можно даже сказать, что в модели мира современного человека граница между наивной и научной картинами мира стала менее отчётливой» [16, 5].

Конечно, это никак не отменяет того факта, что философская концепция пространства представляет собой более высокую степень абстракции по сравнению с наивно-бытовой его трактовкой.

Как уже сказано, основные положения современной философской теории пространства сводятся, в основном, к двум противоположным толкованиям его сущности – субстанциональному и релятивистскому, – связанным с именами Ньютона и Лейбница. Согласно Ньютону, пространство – это «хранилище» (а точнее, вместилище) объектов, «первичная самодостаточная категория», понимаемая как бесконечная протяжённость,

вещающая в себя всю материю [4, 153], при этом пространство не зависит от материи и не определяется материальными объектами [4, 153; 15], а следовательно – ничто не препятствует тому, чтобы представить себе пустое, ничем не заполненное пространство. Напротив, с точки зрения Лейбница, существование пустого пространства принципиально невозможно, пространство есть «нечто относительное», находящееся в зависимости от объектов, в нём расположенных [4, 153].

Сущность пространства, до конца непостижимая для человеческого познания, по-разному отражается в различных философских и научных подходах, а современная наука то и дело вносит коррективы в способы его понимания и измерения, открывает всё новые свойства пространства.

Проблемами изучения пространства и времени человеческая мысль занята ещё с древних времён. Пространство стремились осознать, определить и объяснить представители всех философских школ и направлений, начиная с античности. Как отмечает Е.С. Кубрякова, «**категория пространства** претерпела значительные изменения. Общим их направлением явился путь от конкретного к всё более отвлечённым абстракциям, нередко – под влиянием метафорических переносов» [4, 30].

В современной когнитивной лингвистике большое внимание уделяется анализу языковых форм представления пространственных отношений. При этом в качестве инструмента анализа используются базовые для когнитивной лингвистики теоретические конструкции – *концепт* и *категория*.

На материале этих исследований всё более отчётливо проявляется неудовлетворительность традиционных, «аристотелевских» представлений о категориях как непересекающихся множествах с жёсткими границами и монотонной внутренней структурой. Внутри категорий выделяются, с одной стороны, её прототипические члены, с другой стороны, периферийные смысловые элементы.

Категория в когнитивной лингвистике определяется как «одна из познавательных форм

мышления человека, позволяющая обобщать его опыт и осуществлять его классификацию» [6, 90], а *концепт* – как «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона» [6, 90]. Если категории являются результатом обобщения человеком его ментального опыта, накопившегося в процессе познания окружающего мира в его онтологической упорядоченности, так, что «сама категория есть не просто множество единиц, а множество с отношениями, т. е. некая структура» [14, 6], то концепт, в сопоставлении с **категорией**, выступает **в структурном отношении как «единица более низкого уровня»** [14, 6], которая, по выражению Дж. Лакоффа, позволяет нам «разумно характеризовать категории и их причины» [17, 19].

Говоря о пространстве в контексте современных когнитивных исследований, необходимо различать, с одной стороны, концепт и категорию пространства как объекты лингвистического исследования, с другой стороны, концепт и категорию пространства как элементы картины мира исследователя, которые правильнее было бы назвать метаконцептом и метакатегорией пространства. На это явление косвенно указывает Е.С. Кубрякова, когда замечает, что «видоизменением» складывающегося постепенно в голове человека **концепта пространства** «являются не только современные значения, связываемые с обозначением пространства, но и распространение этого концепта в метаязыке лингвистических описаний» [5, 22].

Показательно, что даже для обозначения центрального концепта метакатегории пространства в современной лингвистике иногда используются, наряду с термином «пространство», и другие термины: «**место**», «**локативность**», «**локальность**», «**специальность**» и др. При этом наиболее распространённым является такой подход к трактовке значений этих терминов, при котором понятия места и пространства находятся в гиперо-гипонимических отношениях [7, 84-93].

Понятно, что выбор термина для обозначения центрального, корневого концепта ка-

тегии в значительной степени предопределяет угол зрения исследователя, под которым он рассматривает изучаемые явления.

В разных языках концептуализация и категоризация пространства шла разными путями, о чём, в частности, наглядно свидетельствует сопоставление этимологических путей корневых лексем. Иными словами, метакатегория «Пространство» может быть по-разному реализована в разных языках. Эти различия могут проявляться как в содержании корневого концепта категории «Пространство», так и в составе и взаимоотношениях подчинённых концептов.

Н.А. Куксова в результате когнитивного анализа семантических возможностей английского глагола как средства функциональной категоризации пространства пришла к выводу о том, что «концепт пространства в наиболее общем виде идентичен концепту «вместилище» [8, 156] и «в когнитивном плане включает в себя целый ряд концептов более низкого уровня (концепты «место», «объект», «вместилище», «граница» и др.)» [8, 156]. Среди концептуальных признаков, характеризующих категорию «Пространство» как определённую область физического или концептуального континуума, репрезентируемую соответствующим концептом, исследователь на первое место ставит признак ограниченности, который «проявляется в наличии реальных или концептуальных границ пространственной области» [8, 157].

Итак, категоризация пространства в разных языках шла разными путями, что проявляется в разном лексико-этимологическом оформлении центрального концепта. В русской языковой картине мира семантика концепта «пространство» связана с движением, распространением, широтой. В контексте этой картины мира пространство изначально выступало как открытое, незамкнутое и бесструктурное, осваиваемое посредством движения (летающей стрелы) либо заселения (распространения), и лишь в ходе дальнейшего концептуального наполнения категории она обогатилась значениями пространственной локализации и квантификации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры // Гуревич А.Я. Избранные труды. Т. 2. Средневековый мир. М.-СПб.: Университетская книга, 1999. С. 17-262.
2. Дьяченко Г., прот. Полный церковно-славянский словарь со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений. М.: Отчий дом, 2007. 1120 с.
3. Дювернуа А.Л. Материалы для словаря древнерусского языка. М.: Унив. тип., 1894. 234 с.
4. Кобозева И.М. Грамматика описания пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000. С. 152-162.
5. Кубрякова Е. С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56. № 3. С. 22-31.
6. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 248 с.
7. Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка: Языки пространств / РАН. Ин-т языкознания; Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М.: Яз. рус. культуры, 2000. С. 84-92.
8. Куксова Н.А. Глагол как средство функциональной категоризации пространства в современном английском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2006. 168 с.
9. Павилёнис Р.И. Проблема смысла: Современный логико-философский анализ смысла. М.: Мысль, 1983. 286 с.
10. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3-х т. Т. 3. Р-Я. М.: Знак, 2003. 1000 с.
11. Степанов Ю.С. Семиотика. М.: Наука, 1971. 146 с.
12. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. Сб. ст. / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики; Отв. ред. Т.В. Цивьян. М.: Наука, 1983. С. 227-284.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. 3-е изд., стер. Т. 3. (Муза-Сят) / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. СПб.: Терра-Азбука, 1996. 832 с.
14. Фрумкина Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога // Научно-техническая информация, 1992. Серия 2, № 3. С. 3-29.
15. Шамне Н.Л. Сопоставительное освещение семантики немецких и русских глаголов движения в аспекте интерпретации категории пространства: Дисс. ... д-ра филол. наук. Волгоград,

2000. 548 с.
16. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.
17. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought G. Lakoff, M. Johnson. New York: Basic Books, 1999. 624 p.

УДК 81'42

Лиходкина И.А.

Московский государственный областной университет

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ТЕКСТ», «ДИСКУРС» И «ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СТИЛЬ»

I. Likhodkina

Moscow State Regional University

ABOUT COORELATION OF NOTIONS "TEXT", "DISCOURSE" AND "FUNCTIONAL STYLE"

Аннотация. Данная статья посвящена ключевым понятиям лингвистики текста, дискурсного анализа и функциональной стилистики: «текст», «дискурс», «функциональный стиль», их определению и разграничению. Границы между этими понятиями как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике, обозначены весьма нечётко и во многом зависят от научной школы и исследовательских задач. В настоящее время широкое распространение при изучении текста, дискурса и функциональных стилей приобретает подход, при котором учитываются экстралингвистические – прагматические, социокультурные, психологические и другие факторы.

Ключевые слова: текст, дискурс, функциональный стиль, функциональный анализ, прагматический анализ.

Abstract. The article is devoted to the key notions of text linguistics, discourse analysis and functional stylistics: "text", "discourse", "functional style", their definition and delimitation. The limits between these notions are quite vague both in Russian and foreign linguistics and depend on scientific schools and research goals. At present, widespread is the approach which involves in examining the notions of text, discourse and functional style the study of extralinguistic (pragmatic, sociocultural, psychological and other) factors.

Key words: text, discourse, functional style, functional analysis, pragmatic analysis.

В настоящее время широкое распространение приобретает теория функциональных стилей, учитывающая коммуникативно-прагматические условия текстообразования. Важным в данном случае оказывается тот факт, что функциональная стилистика принимает во внимание соотношение экстра- и интралингвистических факторов в различных социокоммуникативных разновидностях текста.

Как и всякий сложный социальный феномен, языковая система может изучаться с двух сторон: 1) что она из себя представляет и 2) как «работает». Оба подхода – структурный и функциональный – объединяются в современной теории текста, строящейся вокруг четырёх главных понятий: язык, речь, дискурс и текст. Принципиальное различие между пер-